

**«ТОТ БЫЛ ДОМА, В СВОЕЙ КАМОРКЕ...». О СПЕЦИФИКЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА
Ф. ДОСТОЕВСКОГО "ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ":
СВОЕ КАК ЧУЖОЕ**

Пространство является неотъемлемой, универсальной категорией любого художественного текста, его смысловым центром, имеющим композиционно-сюжетное значение. Справедливо названное Ю.Лотманом «моделью мира данного автора», *«художественное пространство может быть «закрытым (ограниченным) — открытым; реальным (узнаваемым, похожим на действительность) — нереальным; своим (герой родился и вырос здесь, чувствует себя в нём комфортно, адекватен пространству) — чужим (герой — сторонний наблюдатель, заброшен на чужбину, не может найти себя); пустым (минимум объектов) — заполненным и др.»* [1, с. 35].

Следуя традиционным представлениям о пространстве, отметим, что «своим», как правило, именуется пространство дома, — свое, близкое, родное. «Чужим» понимается место вне дома, — открытое, человеком до конца не освоенное, публичное, далекое от камерности и умиротворения.

Оппозиция «свое-чужое» в художественном пространстве романа Ф.Достоевского «Преступление и наказание» представляется актуальной ввиду ее значимости в контексте всего романа. При этом востребованным становится вопрос о неоднозначном статусе «своего» и «чужого» пространства, возможности «перетекания» «своего» пространства в «чужое», наконец, о большей степени значимости «чужого» в художественном пространстве романа. «Свое» пространство, являющееся знаком «родного», «первичного» по отношению к «вторичному» внешнему миру в романе «Преступление и наказание» совсем не тяготеет к безопасности, «одомашненности». На это указывает то, что жилища, в которых живут персонажи, наделены скорее свойством «чужого», чем «своего».

В целом ряде контекстов встречаются лексемы, указывающие на «несвойственное» для проживания место, следовательно, на негативное, «чужое» пространство. При этом устойчивыми характеристиками данных жилищ являются определения со сниженной коннотацией. Ассоциативные семы «маленькое», «тесное», «темное», «душное» характеризуют жилище, обозначенное лексемой «каморка». Маленький размер «каморки» обуславливает «замкнутость» пространства, «неуютность», «зажатость», «плохое самочувствие» живущего в ней персонажа (ср.: *«проснулся он желчный, раздражительный, злой и с ненавистью посмотрел на свою каморку»* [2] (далее приводятся примеры из указанного источника); *«голова его болела; он встал было на ноги, повернулся в своей каморке и упал опять на диван»* и др.).

На основе актуализации ассоциативных сем «тесное», «дурное», «нежилое», «чужое» устанавливаются связи лексемы «каморка» с лексемой «гроб» (ср.: *«какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб»*, и далее: *«вот маменька говорит тоже, что на гроб похожа»* и др.). Площадь «каморки» («гроба») настолько мала, что человек, находящейся в ней, стеснен физически, это место, которое ограничивает движение, а тем более перемещение. Интересным является то, что лексемы, «именующие» жилище, ассоциативно связаны с описаниями самих жильцов. Так, ассоциативный фон лексемы «гроб» устанавливает связи с контекстами, характеризующими отдельные черты внешности персонажей (ср.: *«бледное лицо Раскольникова и его помертвевшие глаза»*; *«Разумихин побледнел как мертвец»* и др.), а также с номинациями лица (ср.: *«я сейчас у мертвого был»*; *«покойница Марфа Петровна»* и др.). Нельзя не заметить, что «чужое» пространство населяют персонажи, являющиеся «живыми мертвецами».

В этой связи, укажем и на другой контекст, в котором семы «непригодное для жилья», «неуютное», «служашее для хранения вещей» устанавливают ассоциативную связь лексем «каморка» и «сарай» (ср.: *«Сонина комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое»*). Лексема «неправильный» встречается также в описании самой Сони — как отличительная черта портрета персонажа (ср.: *«бледное, худое и неправильное угловатое личико»*). Как было сказано ранее, пространство и персонаж в нем «уподобляются» друг другу, персонажи перенимают черты «неправильного», «чужого» пространства, приобретают нечто такое, что онтологически не должно быть свойственно ни самому пространству, ни человеку в нем.

Устойчивость коннотативно сниженных свойств пространства дома в ряде контекстов, указывающих на «тесноту», «непригодность», а также на небольшой размер помещения передается и лексемой «каюта» (ср.: *«экая морская каюта»*; *«озирал он тесную и низкую «морскую каюту» Раскольникова»* и др.). Данная лексема ассоциативно указывает на «воду». Примечательно, что в ряде контекстов вода является местом, ассоциативно связанным со смертью, самоубийством (ср.: *«смотрел он <...> на темнеющую воду канавы»*; *«грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву»* и др.). Создается ассоциативная многоплановость образа пространства «каюты». С одной стороны, это ограниченное место, закрытое, давящее отсутствием простора, с другой стороны — это место, связанное с поиском выхода.

Указание на отрешение от внешнего мира, «неволю» передается лексемами «клетка», «клетушка» (ср.: *«дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпехель»*; *«это была крошечная клетушка <...> с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями»* и др.). С пространством «клеток» соотносятся портреты персонажей, ассоциативно указывающие на их «звериное» начало (ср.: *«с визгом, как бешеная, кинулась она к Катерине*

Ивановне»; «а он на канав окно отворяль и стал в окно, как маленькая свинья, визжалъ» и др.).

Семантика «тесноты» домашнего пространства, его «непригодности» для проживания поддерживается лексикой, указывающей на «не-цельность» пространства. Наличие разного рода перегородок «делит» пространство на части (ср.: *«молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой»; «в одной комнате помещаются, а Соня свою имеет особую, с перегородкой»* и др.). В качестве своего рода «перегородок», делящих пространство дома, выступают: дверь (ср.: *«дверь разделяла их»; «наружная дверь, из прихожей на лестницу»* и др.), порог (ср.: *«в сенях же всё плотнее и плотнее стеснялись зрители, жильцы со всей лестницы, не переступая, впрочем, за порог комнаты»* и др.), занавески (ср.: *«покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку»* и др.), простыня (ср.: *«через задний угол была протянута дырявая простыня»* и др.), верёвка (ср.: *«всё оттер бельем, которое тут же сушилось на веревке, протянутой через кухню»*) и др.

Актуализованными маркерами пространства дома становятся отдельные части квартиры: лестница (ср.: *«черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами»* и др.), передняя (ср.: *«в передней было очень темно и пусто, ни души, как будто всё вынесли»* и др.), коридор (ср.: *«в коридоре было темно»*) и др. Можно заметить, что описание данных «пространств» предстает коннотативно сниженным, это места, где часто нет света, где грязно, сыро, неудобно. Частотным маркером пространства дома становятся дыры, щели (ср.: *«он просунул пальцы в маленькую щель, между его «турецким» диваном и полом»* и др.), а также разодранные, испорченные обои (ср.: *«внизу, в одном месте были разодраны отставшие от стены обои»* и др.).

Старая, порванная мебель, а также детали интерьера также выступают в роли маркеров, указывающих на «непригодность», «чуждость» жилья для персонажей (ср.: *«клеенчатый очень ободраный диван»; «неуклюжая большая софа <...>, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях»* и др.). В этом смысле, интерес представляют контексты, в которых указание на отсутствие каких-либо значимых частей предметов интерьера свидетельствует о «необжитом», «чуждом», «бедном» пространстве (ср.: *«старый кухонный сосновый стол, некрашеный и ничем не покрытый»; «бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок»* и др.).

Наряду с пространством дома, являющимся «чужим» и «чуждым» для персонажей, отметим, что пространство города оказывается столь же «чужим». Характерно, что «отчужденность» героев по отношению к городу прослеживается даже на графическом уровне, свидетельством чего является большое количество сокращенных названий мест (ср.: *«у самого К—ного переулка»; «деньги же все назначались в один монастырь в Н—й губернии»* и др.). Завуалированность местонахождений предопределяет «неосвоенность» пространства, его «неуютность», «полуреальность», «мифичность», даже «детективность». Подобный способ сокращения топонимов является

характерным свойством пространства, прямо не названного, лишь косвенно указывающего на место действия, на возможность его разгадать.

Пространство города, в котором находятся персонажи, представляет собой калейдоскоп отдельных мест, где происходит действие. Частотными становятся «питейные» и «съестные» заведения (ср.: *«распивочные, которых в этой части города особенное множество»*; *«в нескольких шагах от последнего городского огорода стоит каба́к»*; *«проходя мимо одного съестного заведения, вроде харчевни»* и др.), а также другие места города (ср.: *«вышел из кондитерской»*; *«городское кладбище»*; *«толкучий рынок»* и др.) Нельзя не заметить, что лексемы «распивочные», «кабак» предопределяют ассоциативную связь с номинациями персонажей. Востребованными номинациями являются «пьяный», «пьяница» (ср.: *«из распивочных пьяные выходят»*; *«в это время вошла с улицы целая партия пьяниц»* и др.). Востребованность лексемы «пьяный» в описании персонажей романа обусловлено тем, что первоначальным названием романа было «Пьяненькие». В рукописных редакциях к роману «Преступление и наказание» можно найти следующее замечание Ф. Достоевского: *«Роман мой называется „Пьяненькие“ и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.»* [2, с. 309].

Подобно «перегородкам» в доме, пространство города предстает «расчлененными» переулками (ср.: *«он остановился, подумал, поворотил в переулок»*; *«миновав площадь, он попал в переулок»* и др.). При этом значимым местом, «делящим» городское пространство, с одной стороны, и являющееся «судьбоносным» для персонажей, с другой, становится «перекресток» (ср.: *«Так идти, что ли, или нет», — думал Раскольников, остановись посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом»* и др.).

Обращает на себя внимание и то, что в пространстве города востребованными становятся маркеры, указывающие на обилие «нечистот», грязи (ср.: *«на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади»*; *«Свидригайлов пошел по скользкой, грязной деревянной мостовой»*; *«трактир был грязный, дрянной»* и др.). Коннотативно сниженный фон пространства задает лексема «старый» (ср.: *«дом был трехэтажный, старый и зеленого цвета»* и др.).

Таким образом, онтологически значимая оппозиция «свое-чужое», традиционно учитывающая признаки пространства как «освоенного — не освоенного», «близкого — далекого», в художественном пространстве романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» предстает в неоднозначном статусе. Пространство дома и города изначально предстает как «чужое» для человека. Пространство дома, традиционно считающееся средоточием «своего», «спокойного», «гармоничного», «близкого человеку», в романе оказывается «чужим», «неуютным», «тесным», «давящим», «маленьким», в котором невозможно не только свободно перемещаться, но и

жить (ср.: «гроб», «каморка», «клетка», «каюта» и др.). При этом частью данных пространств являются персонажи, которые как бы перенимают свойства «чужого» пространства на себя.

«Чужое» пространство дома предопределяет желание выйти из него, однако городское пространство оказывается столь же «чужим» и «чуждым» персонажу за счет того, что оно предстает в разрозненном, калейдоскопичном виде.

Пространство дома и города, представленное в романе «Преступление и наказание» как «чужое», формирует не только мировоззрение персонажей, но и их образ жизни, в конечном счете, их внешность. Для персонажей и «чужое» пространство дома, и «чужое пространство» города становится «своим». Именно этим во многом объясняется использование идентичной лексики в описании пространства и портретов персонажей, высокая степень ее повторяемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сырица Г.С. От текста к слову. — Даугавпилс, 2005
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. // Полное собрание сочинений в 30 томах. — Ленинград, 1973.